

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ДИСКУРСЕ «ОБЪЕКТОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА»

И.В. Катерный

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

С конца 1970-х – начала 1980-х гг. в различных областях научного знания последовательно предпринимаются усилия по категоризации и интерпретации социальных проявлений физического пространства и социальной роли наполняющих его объектов – от повседневных вещей до стихийных бедствий. Особенностью социальных изменений последней трети XX в. и начала XXI в. можно считать превращение изначально несоциальных субстанций (материальных объектов, виртуальных образов, информационных сообщений, а также природных стихий) в активные модуляторы социальных процессов.

Происходит развитие так называемых «постсоциальных отношений», где активное задействование различных объектных форм ведёт к тому, что нечеловеческие, неживые и даже нефизические объекты всё чаще замещают людей как партнёров по взаимодействию и во всё большей мере опосредуют социальные отношения, делая последние зависимыми от них. Таким образом, взрывная экспансия объект-центрированной среды в современном мире последовательно ведёт к актуализации интеллектуального интереса к анализу «поведения» не-субъектной стороны социальности и бытия в целом. Это течение в науке принято обозначать как «объектологический поворот».

В предлагаемой статье систематизируются некоторые итоги развития этой исследовательской перспективы, образующей новую область знания и гуманитарной практики под названием «социальная объектология». Автором выделяются наиболее интересные направления в этой сфере и их представители, проводится анализ эволюции «объектологической» мысли в социальной теории. Также даётся классификация социальных объектов по признаку их пространственной масштабности, формирующей среду объектного присутствия – от микроуровня до макроуровня. Автор приходит к выводу, что в условиях суперсложного общества социология призвана будет дать не только эффективные инструменты анализа происходящих социальных изменений, но и обосновать способы решения новых проблем в сфере социальной, культурной и личной безопасности людей.

Ключевые слова: смешанные коммуникации, социальная объектология, природа социального, типы социальных объектов.

Долгое время человек развивался в мире, где насыщенное социальное поведение могло исходить только от ему подобных. И все видимые наличные объекты были всего лишь независимо существующими физическими предметами. Социология тоже рождалась как наука о «консенсусе» (О. Конт) и «солидарности» (Э. Дюркгейм) людей в стабильном физическом пространстве. Её истории, по сути, тоже была историей исследования природы социальности как сферы «взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга» [6]. Вместе с тем социальный опыт современности обогащается новыми явлениями, когда людей повсеместно окружают «умные вещи», а сообщения в социальных сетях Twitter и Facebook способны привести к глобальным потрясениям типа «Арабской весны» 2011 г.

Задействование различных объектных форм в повседневной жизни ведёт к тому, что нечеловеческие, неживые и даже нефизические объекты всё чаще замещают людей как партнёров по взаимодействию и во всё большей мере опосредуют социальные отношения. Как пишет австрийский социолог К. Кнорр-Цетина, «одна из отличительных особенностей современной жизни состоит в том, что, пожалуй, впервые в истории встаёт вопрос о том, действительно ли другие люди являются наиболее интересными элементами окружающей среды», которым следует уделять «наибольшее внимание»? [13, с. 308-309]. На этом фоне происходит развитие так называемых «постсоциальных отношений», в которых преобладают контакты между живым и неживым и тем самым вытесняют традиционные социальные связи. Тогда возникает другой вопрос: кто или что сегодня обладает большим социальным капиталом в сетях «организованной сложности» – живые люди или объектная среда, в которой они живут?

Наиболее радикальные исследователи требуют заключения нового общественного договора с наукой в условиях, когда «скрытые, презренные массы не-человеческого, уже давно получившие реальное признание в человеческой практике, всё ещё продолжают стучать в двери социологии с не меньшей настойчивостью, что и массы человеческие в веке XIX» [16, с. 200]. Другими словами, признания и осмысления требуют *дискурс объектов*.

Хотя те или иные виды материальностей в истории социологии изучались классиками еще в XIX в., базовым для неё всегда было представление, что любая достойная изучения социальная активность или «участие» являются прерогативой человеческого бытия. Даже изучение денег как центрального явления современности со времён М. Вебера, К. Маркса и Г. Зиммеля, признававших по сути антисоциальный, обезличивающий и реифицирующий характер их

функционирования, до последнего времени считалось, по словам Р. Коллинза, «недостаточно социологичным». Что же касается физических вещей, то, по авторитетному мнению Э. Дюркгейма, они могут оказывать влияние на социальные процессы, но лишь благодаря «живым силам» самого общества, в котором единственно содержится источник всякой активности [9, с. 128].

Первая систематическая попытка реанимировать материальную среду общества как активное социально значимое пространство была предпринята социологами Чикагской школы (Р. Парк, Р. Маккензи, Э. Бёрджесс и др.) в начале XX в. в рамках исследований урбанизма. Изучение «ткани жизни» человеческого сообщества обрело экологический смысл и стало трактоваться как попытка «применить для изучения взаимоотношения людей тип анализа, ранее применявшийся для исследования взаимоотношений растений и животных» (Р. Парк), но с учётом специфики социальных и культурных факторов. Это означало, что «человеческая экология» стремилась к обоснованию не менее фундаментального «симбиоза» (Р. Парк) в обществе, нежели в царстве природы. Основа этого социального симбиоза зиждется на пространственно-временной организации четырёх элементов – населения, артефактов (товаров, техники и др.), обычаев/верований и природных ресурсов [20, с. 384-400]. Как отмечает современный французский социолог И. Жозеф, окружающая среда в «человеческой экологии» перестала восприниматься как «оболочка, пустота, на фоне которой разворачиваются те или иные события или действия». Она стала рассматриваться как «ёмкая среда, из которой индивиды или различные коллективы черпают необходимые ресурсы для адаптационной или кооперационной деятельности» [14, с. 15]. Однако восприятие объектного пространства как «опоры социальной деятельности» или как «контейнера ресурсов» все равно не отменяло понимания общества как «собрания людей» (Р. Парк).

В 1920-е гг. другой представитель Чикагской школы Дж. Г. Мид независимо от своих коллег Р. Парка и У. Томаса обосновал теорию символического интеракционизма. Развивая традиционную прагматистскую линию американской философии (Дж. Дьюи и др.), Мид, тем не менее, приходит к радикальному и в своё время многим не понятному тезису, что все мироздание представляет собой социальную практику человека, включая культуру, природу и психику. Социальность в форме символического взаимодействия людей друг с другом лежит в основе любого возможного опыта и знания об окружающем мире. Однако организация практической деятельности человека связывает не только человеческих субъектов друг с другом, но и субъектов с объектами, а также одни объекты и другие объекты. Даже Солнечная система, по Миду, в этом смысле есть система социальная. Таким образом, общество –

это мир не только интерсубъективный, но в то же время и «интер-объективный»¹.

Позднее, в 1969 г. другой классик символического интеракционизма, Г. Блумер, подводя итоги развития этой теории, писал, что все «миры», в которых живёт человек, состоят не из субъектов в «чистом виде», а из различных «социально произведённых» объектов, которые являются целью и продуктом символического взаимодействия акторов. Чтобы понять человеческий мир, необходимо понимать, «как индивиды и группы видят объекты, как они действуют по отношению к ним и как они говорят о них» [23, р. 51]. Среди миров-объектов, населяющих среду социальных отношений, Блумер вслед за Мидом выделял мир, состоящий из физических объектов (стул, дерево и т.п.), мир социальных объектов (сами люди в статусно-ролевом качестве студента, друга, священника и т.п.) и мир абстрактных объектов (от различных идей до философских доктрин). Другими словами, объектом является все, на что можно указать и придать то или иное (символическое) значение. Символический интеракционизм, таким образом, показал, что человеческий мир рождается как процесс производства «общих» объектов: «Сформировать значение чего-то — значит выделить это из окружения, отделить, придать этому смысл или, по терминологии Мида, превратить это в объект» [1, с. 175].

Стоит подчеркнуть, что объекты в такой перспективе не отделены от субъектов, не существуют им, а возникают и функционируют в постоянно вибрирующих герменевтических петлях социального конструирования. Возможность и способность превращения субъекта (Себя) в объект (Другого) является в этом смысле центральным механизмом, при помощи которого человек взаимодействует с окружающим миром. Хотя Блумер, в отличие от Дж. Г. Мида [18], отрицал стимулирующее воздействие объекта на субъект, подчеркивая его пассивный характер, дальнейшая разработка идей символического интеракционизма в области понимания

природы социальных объектов показала, что процессы индивидуализации социальных отношений в эпоху позднего модерна ведут к нарастающей зависимости субъектов (индивидов и групп) от созданного универсума материальных и виртуальных объектов. Они на глазах оживают как источники социальной идентичности, социального действия и социальной интеграции [30].

От простых вещей до инфраструктурных комплексов, от бытовых роботов до природных стихий, от виртуальных образов до реальных мега-событий – все это по отдельности в интимной жизни каждого человека и совместно на уровне глобальных процессов настолько трансформируют природу социальности, что простая блумеровская классификация объектов социальной среды уже не может устраивать современного исследователя. *Смешанные коммуникации*, то есть коммуникации с участием различного рода «нерациональных», «невидимых», «сложных», «нечеловеческих» и «неодушевлённых» объектов, занимают все большее время и пространство в окружающей среде. И это последовательно ведёт к актуализации интеллектуального интереса к анализу «поведения» не-субъектной стороны социальности и бытия в целом.

В 1960-1970-е гг. выходят работы авторов, написанных в неомарксистском духе и посвящённых анализу общества потребления. В своей первой большой книге «Система вещей» (1968) Ж. Бодрийяр погружается в дискурс потребления и впервые вводит в оборот свой главный неологизм – «симулякр» для обозначения миметического симулирования «умопостижимыми изделиями» (прежде всего, техническими объектами) живой природы. При этом Бодрийяр сразу приходит к выводу, что «симулякр столь хорошо симулирует реальность, что начинает эффективно её регулировать» [2, с. 65]. Социоидеологическая система вещей в обществе изобилия создаёт, по Бодрийяру, принципиально новую реальность и новую среду. В ней люди окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько *объектами* потребления².

¹ Хотя у самого Дж. Г. Мида нет терминов «интерсубъективный» и «интер-объективный», но его философию можно считать предтечей как появившейся вскоре социальной феноменологии с ее акцентом на интерсубъективности «жизненного мира» (А. Шюц и др.), так и современной акторно-сетевой теории (Б. Латур и др.), впервые предложившей в 1980-е гг. и до сих пор активно разрабатывающей проблематику интер-объективности социального мира.

² В своей следующей книге «Обществе потребления» (1970) Бодрийяр так описывает мир современных людей: «Их повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении, в соответствии с растущей статистической кривой, благ и посланий и в манипуляции с ними, начиная с очень сложного домашнего хозяйства и десятков его технических рабов вплоть до «городского оборудования» и всей материальной машинерии коммуникации и профессиональных служб, вплоть до постоянного зрелища прославления объекта в рекламе и в сотнях повседневных посланий, исходящих от СМИ, заполненных бессмысленным кишением неопределенно навязчивых гаджетов... Понятия «окружения», «среды» имеют, вероятно, такую популярность только с тех пор, как мы живем, по существу, не столько в близости к другим людям, не в присутствии их самих и их размышлений, сколько под немым взглядом послушных и заставляющих галлюцинировать предметов, которые повторяют нам все время одну и ту же речь о нашем ошеломляющем могуществе, потенциальном изобилии, о нашем отсутствии друг для друга... Мы переживаем время вещей: я хочу сказать, что мы живем в их ритме и в соответствии с их непрерывной последовательностью. Сегодня мы видим, как они рождаются, совершенствуются и умирают, тогда как во всех предшествующих цивилизациях именно вещи, инструменты или долговечные Монументы жили дольше, чем поколения людей» [3, с. 4].

В 1973 г. выходит «Анализ человеческой деструктивности» Э. Фромма, где он пишет о распространении в индустриальном обществе «некрофильской личности», для которой характерна страсть к неживым предметам в сочетании с утилитарным, механическим отношением к живым людям и самому себе в качестве объектов потребления. В таком обществе, по Фромму, «мир превращается в совокупность безжизненных предметов, включающих среди прочего искусственную пищу и искусственные органы... Сексуальность становится техническим навыком, “любовной машиной”, чувства оказываются как бы сплюснутыми и обыкновенно подменяются сентиментальностью, радость — это извечное выражение жизнелюбия — уступает место возбуждению, создаваемому “индустрией развлечений”, а в качестве главных объектов любви и нежности начинают выступать машины и механизмы» [21, с. 230].

Знаковым событием в развитии объектологической мысли стали исследовательские работы в области социологии науки и техники, проводившиеся в конце 1970-х – начале 1980-х гг. французскими учеными Б. Латуром и М. Каллоном. Изучая процесс научных и технических инноваций, они пришли к выводу, что на микроуровне лабораторных работ имеет место большое влияние «материальных» факторов на производство нового знания. Состоявшиеся объективные научные факты во многом являются контингентными *эффектами* в постоянно «становящейся» ситуации обоюдного влияния друг на друга людей (учёных), их стремлений и интересов, а также и имеющегося у них оборудования, инструментов, материалов, алгоритмов работы и т.п.³ Такие же сети действующих элементов или «актантов», включая человеческие субъекты и нечеловеческие объекты, образуют и субстрат общества в целом. Что отличает человеческие интеракции от взаимодействий в животном мире, так это не просто присутствие, а повсеместная задействованность материальной среды. Поэтому, «почему бы, – спрашивает Латур, – не обратиться к тем бесчисленным объектам, которые отсутствуют у обезьян и повсеместно присутствуют у людей, локализуя

или глобализируя взаимодействие? Как можно воспринимать кассу без окошка, стекла, двери, стенок, стула? Разве они, в буквальном смысле, не образуют фрейм взаимодействия? Как можно подводить ежедневный баланс офиса без формул, квитанций, счетов, бухгалтерских книг – и как можно упускать из виду прочность бумаги, долговечность чернил, нанесенные на клавиши буквы, практичность степлеров и громкие удары штемпеля? Разве не эти вещи делают возможной тотализацию? Не заблуждаются ли социологи, пытаясь сделать социальное из социального, подтавав его символическим, не замечая присутствия объектов в тех ситуациях, в которых они ищут лишь смысл? Почему социология у них остается безобъектной?» [17, с. 87-88].

С 1990-х гг. объектологические исследования стали, пожалуй, самым крупномасштабным междисциплинарным течением в современной науке и философии. Этот феномен называют «материальным», «материалистическим» или «материально-культурным» поворотом» [4; 15; 27], что вполне закономерно, однако, содержит, на наш взгляд, слишком редуцированные коннотации, имеющие отношения либо к сугубо вещной онтологии, либо к философии материализма, что так или иначе ограничивает его содержание. В этом смысле весь спектр исследований смешанных коммуникаций можно было бы обозначить как «социальную объектологию»⁴, соединяющую в своём названии фундаментальную эпистемологическую ориентацию на познание коммуникативных структур коллективности, но и перформативно вовлекающую в область познаваемой социальной онтологии несубъектные субстанции. Горизонт таким образом понятой социальной объектологии охватывает множество новых, активно развивающихся научных направлений и подходов, среди которых можно выделить следующие:

- объект-ориентированная философия или так называемая «онтикология» (Г. Гарман, Л. Брайант и др.);
- мобильная социология (Дж. Урри);
- антропология вещей (А. Аппадюррай, И. Копытофф и др.);
- антропология искусства (А. Гелл);

³ Более того, чаще всего возникают именно другие эффекты: «Если микробы, электроны и пласты скального грунта не нужно лишать способности воздействовать на результат эксперимента, то не потому, что они полностью подчиняются ученым, а потому, что совершенно безразличны к их высказываниям. Это не значит, что они – «просто объекты», наоборот, они ведут себя как им заблагорассудится без оглядки на интересы ученых – останавливают эксперименты, внезапно исчезают, умирают, отказываются отвечать или разносят лабораторию вдребезги. Объекты природы непокорны по природе. Какой ученый скажет, что они полностью управляемы? Наоборот, они всегда сопротивляются контролю и вносят путаницу в наши планы» [18, с.353].

⁴ Термин «объектология» в отечественной науке традиционно применяется в криминалистике для описания «вещественной среды» преступления – следов, улик, примет преступника и др. [См.: 5]. На Западе об «объектологии» и «этологии объектов» впервые заговорили дизайнеры (М. Сусани) и архитекторы (Дж. Кипнис) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с исследованием перформативных функций электронных объектов и архитектуры в социальном пространстве [См.: 32; 27; 28]. Сегодня этот термин продолжают использовать в гуманитарной среде от археологов до художников для обозначения исследовательской перспективы, связанной с изучением пространства материальностей, «населяющих города и территории – от больших архитектурных сооружений до микроархеологических артефактов – и артикулирующих вокруг себя политические, культурные и исторические практики» [31].

■ Социология

– микроархеология (Ф. Фаландер, П. Корнелл и др.);
– акторно-сетевая теория (Б. Латур, Дж. Ло и др.);
– урбанический метаболизм (П. Бачини, П. Браннер);
– концепция «постсоциальных отношений» (К. Кнорр-Цетина);
– радикальный или «корпоральный» феминизм (Э. Гроз, М. Гэйтенс и др.);
– ряд отраслевых социологических направлений, включая социологию города и транспорта (А. Лефевр, И. Джозеф и др.), социологию техники, экосоциологию (А. Шнайберг), научно-техническое искусство и дизайн или т.н. «студио-лаб» (М. Сенчери, К. Солтер и др.);
– целый спектр теоретических и практических разработок в области «науки и техники» (трансгуманизм, социальная робототехника, андроид-наука, киборг-антропология и др.). Все они направлены на реконцептуализацию гибридной онтологии в структуре социального пространства и времени, которая раскрывает невиданный ранее масштаб «интенсивно социального» влияния объектной среды человека на различные аспекты его жизнедеятельности.

Действительно, с одной стороны, человеческое общество, как нам доказывают теоретики модернизации (Д. Белл и др.), овладевает всё большими физическими капиталами из окружающей среды – сначала мускульной силой живых существ, потом природными энергиями и материалами и, наконец, информационными и интеллектуальными технологиями. Но, с другой стороны, последовательное завоевание окружающей среды ведёт к трансформации пассивного ресурсо-содержащего пространства и образованию активной гибридной сетевой реальности или (глобальных) *флюидов* (Дж. Урри). В ней потоки социальных, символических, физических капиталов в виде масс людей, информации, денег, образов, рисков не имеют единого источника, центра управления и границ между собой. Материя во всём своём разнообразии практической вовлечённости и привязанности к человеку перестала быть «недостаточно социологичной» (Р. Коллинз), чтобы о ней не говорить. Вопрос уже не в том, обладают ли материальности социальным участием, а в том, *какого рода* участием они обладают.

В то же время во всей пёстрой палитре работ, посвящённых различным аспектам социального участия объектов, пока не хватает систематичности в анализе форм манифестаций объектной стороны социальности. Социология начиналась с описания Дюркгеймом социальных фактов, которые требовалось рассматривать как «вещи». Метафора «вещи» в данном случае имела антипсихологизаторский «замес» и призвана была синтезировать категории дистанции и необходимости: «коллективные представления» или, по-другому, социальные институты,

как и материальные вещи, обладают независимой реальностью и объективно ограничивают человеческое поведение. Однако в поздних работах Дюркгейм совместно с М. Моссом на основе этнографического материала приходит к выводу, что идеальные объекты (коллективные представления) в реальной общественной *практике* существуют не автохтонно, а действуют репрезентативно через мир реальных объектов. «Чтобы выразить самим себе наши собственные идеи, необходимо, ... чтобы мы привязывали их к определённым вещам» [10, с. 3].

Ритуальная природа социальных отношений, наиболее ярко выраженная в первобытных формах (потлач, жертвоприношение, тотемизм, посвящение) напрямую связана с воспроизводством «естественного порядка вещей». Характерной его чертой не-проблематичности (стёртости) онтологической, то есть *практической* дистанции между вещами социальными (идеями) и вещами не-социальными (материей) вплоть до полного отождествления между собой людей, животных и неодушевлённых предметов [11; 12]. После исследований повседневности Э. Гоффманом и Г. Гарфинкелем [7, 25], открыто апеллировавших к позднему Дюркгейму, мы знаем, что любые обыденные практики образуют целый «аппарат», в котором культурные, стратификационные, поведенческие элементы переплетены с материальными.

Именно поэтому, как указывает французский социолог Б. Латур, интенциональность и рациональность любого действия не являются свойством вещей, но так же не являются и исключительными свойствами индивида, а проявляется как систематическое свойство «институтов, объединяющих человеческое и не-человеческое в одно целостное устройство... или диспозитив, как это называл Фуко» [29, р. 192]. От рассмотрения социальных фактов как вещей социальная объектология переходит к исследованию вещей (в широком смысле) как социальных фактов.

Все вместе они создают вездесущую «ткань жизни» (Ж. Бодрийяр) или *фибры* – структурные социоматериальные слои, где объекты могут быть вложены друг в друга, проникать друг в друга, извлекаться друг из друга или создавать сложные ансамбли друг с другом. Можно выделить, по крайней мере, пять слоев фибр:

- тело и корпоральные практики;
- артефакты (материальная культура);
- эпистемические объекты (информационные технологии и др.);
- субчеловеческие и биообъекты (от зародышей до климатических событий);
- ассамбляжи (так называемые «места и события» и суперсложные объекты, например, андроидные роботы).

Три простых примера из разных областей дают нам возможность увидеть, как субстанциально не-социальные объекты меняют социальную ткань жизни:

(1) в 1981 г. Верховный суд штата Джорджия в США утвердил прецедентное решение, по которому беременная женщина, отказывавшаяся от любой медицинской помощи по религиозным соображениям, должна была в принудительном порядке подвергнуться кесаревому сечению для спасения жизни ее плоду. Суд посчитал, что интересы штата в сохранении *будущей* жизни перевешивают принцип родительской автономии и право каждого гражданина на религиозные убеждения. Таким образом, «естественные права» эмбриона были признаны не только морально обоснованными, но и юридически полноценными. Это дело, известное как «Джефферсон против Гриффина», внесло значительный вклад в развитие современной биоэтики;

(2) в 2008 г. американка из Сан-Франциско официально поменяла свою фамилию на Эйфель после того, как в присутствии свидетелей произнесла клятву верности и обручилась с Эйфелевой башней в Париже. По её признанию до этого она имела близкие отношения с «Лансом», любимым луком, с помощью которого она смогла стать мировым рекордсменом в спорте. После этого она долго любила Берлинскую стену и, наконец, решила оформить свои отношения с парижской достопримечательностью. Примеров любви людей и различных объектов уже сегодня насчитывается несколько десятков. При этом все участники этих случаев являются женщинами, для которых даже был придуман специальный термин «объект-озабоченные женщины» (objectum-sexual women);

(3) в апреле 2013 г. на американской фондовой бирже случился так называемый «flash-crash» – мгновенное и обвальное падение котировок. Причиной стало короткое сообщение «Взрывы в Белом доме. Обама ранен» в системе он-лайн-микроблогов «Твиттер». В течение 3 минут, пока царил паника и не поступило официальное опровержение, рынок потерял около 200 млрд. долларов. Как выяснилось, это было фальшивое сообщение, выданное некими хакерами от имени уважаемого информационного агентства. Фондовый рынок, управляемый программами-роботами, мгновенно среагировал на поступившую информацию, приняв её за «чистую монету». Как потом говорили биржевые игроки, они были невероятно удивлены тем, какое влияние безобидный, казалось бы, «Твиттер» может оказать на мировую экономику.

Что может быть общего между этими тремя событиями, выбранными практически случайно и никак друг с другом не связанными? С одной стороны, в этих событиях нет классических признаков социальности. В основании социологии всегда лежало представление о неразрывной

связи социальности и (коммуникативной) рациональности, делающей возможной всякую коммуникацию между компетентными индивидами на основе структур интерессубъективного *взаимопонимания*. Более того, как писал еще А. Шюц, критикуя М. Вебера за недостаточную рациональность его идеального социального действия, взаимопонимание возможно только при условии наличия «цели замышляемого воздействия на Чужого», то есть сознательной мотивации, ориентированной на понимание со стороны Другого [22, с. 867].

Таким образом, социальный порядок в социологии, будь то в конструктивистском, или нормативистском смысле, предполагает участие людей, рациональных (понимающих друг друга) людей и (особым образом) действующих людей. Однако, имея в виду предложенные казусы, мы не находим там этих атрибутов социальности – там нет полноценной субъектности, рациональности и (взаимо)действия. В то же время невозможно не считать эти факты социальными. Поэтому в современном мире происходит так называемая «объектуализация» социальных отношений, ведущая к смене традиционных институтов социальной идентификации (классы, семья, групповые общности) и образованию новой системы связей, где различные конфигурации социальных объектов выступают активными факторами формирования социальных общностей, норм, событий и т.п., то есть структуры социальной солидарности или, точнее говоря, «коллективности» (Б. Латур) как системообразующей силы социального порядка. Базовое социологическое понятие «участия» (agency), применяемое для исключительной характеристики социальной (интер)активности людей, трансформируется в «сборку» или «у-частие» (agencement)⁵, акцентирующее одновременно коннотации «участия» и «части», то есть распределённой и взаимосвязанной активности субъектов и объектов в едином ансамбле зависимостей и привязанностей. «У-частие» становится новым определением социальности, инклюзивно вовлекая в себя все физическое и виртуальное пространство и населяющих его реальных и виртуальных «актантов».

Таким образом, социальная объектология радикально пересматривает статус (практической) реальности как области сугубо (интер)субъективного участия на основе *задействования* «интер-объективного» измерения социального. Важнейшими условиями трансформации «ткани жизни» в сторону постсоциальности становится нормативное размытие границ между тремя видами онтологических оппозиций:

(1) оппозиции между человеческим и субчеловеческим (например, права животных);

⁵ Французское слово «agencement» впервые было применено в философии Ж. Делезом в рамках его постструктуралистской концепции «машинной сборки», описывающей принципы организации окружающего мира как сложной стратифицированной системы сочлененных друг с другом объектов материального («содержание») и символического («выражение») свойства. «Нет никакой биосферы или ноосферы, повсюду есть только одна и та же Механо-сфера», – пишет Делез [8, с. 115].

■ Социология

(2) оппозиции между культурным и природным (например, ядерные отходы);

(3) между живым и не-живым (например, роботы);

(4) между физическим и не-физическим (например, Интернет).

Следствием подобной трансформации становится деконструкция понятия и института *владения*, легитимизировавшего во все времена власть человека над объектами. Распространенность, сложность и подвижность объектов делают их сегодня неподвластными человеку. Ничем нельзя распорядиться или завладеть окончательно, так как объекты становятся слишком «странными» – либо по-человечески активными, либо не до конца изученными, либо слишком пугающими, либо ненадежными. На смену власти и собственности идет новая практика и этика *подглядывания и приглядывания* за миром объектов. Человек учится быть посетителем и привратником в окружающем мире, где он призван не управлять, а охранять, ухаживать и заботиться, а, возможно, и поклоняться нечеловеческому.

«Объектологический» вызов, с которым сталкивается сегодня социология, далеко не первый за 200 лет её существования. Такие явления как феминизм, постиндустриализм, глобализация и многие другие постоянно изменяли представления о современном обществе. Однако никогда ещё не ставилось под сомнение существование самого общества как сугубо человеческого пространства, будь это два взаимодействующих индивида, нация или все человечество в целом. Современные объектологические исследования раскрывают последнюю тайну общества – социальный порядок на микро и макроуровне больше не зависит только от лю-

дей. «Онтический принцип» объект-ориентированной онтологии, реанимируя аристотелевское понятие «(первой) субстанции», гласит, что все наличные манифестации, включая живых людей, культурные артефакты, символы, экологические объекты, обладают одинаковым статусом во Вселенной, составляя единую, плоскостную, неиерархическую реальность, ибо все они существуют «объективно», то есть как равноправные объекты (участники) « сборки » общества [24, р. 261-278]. Смешанные коммуникации перестраивают (традиционную) социальность в коллективную («ассамбляж»). И этот факт ведёт не только к гносеологическим, но и к моральным и политическим последствиям. Общественный прогресс с социологической точки зрения можно рассматривать как процесс *дестигматизации*, то есть исправления, «нормализации» испорченной идентичности тех или иных социальных общностей на основе обретения ими полноценных социальных и моральных прав в обществе доминирующей культуры. В истории человеческой цивилизации самыми значительными вехами дестигматизации были отмена рабства, предоставление избирательных прав женщинам, запрет расовой сегрегации, признание свобод сексуальных меньшинств и, наконец, включение в область морали и права животных и эмбрионов. И в будущем нас ждут новые открытия в этой области, когда о своих правах заявят полностью искусственные создания, виртуальные персонажи и кибернетические организмы. Таким образом, в условиях *суперсложного* общества социология призвана будет дать не только эффективные инструменты анализа происходящих социальных изменений, но и обосновать способы решения новых проблем в сфере социальной, культурной и личной безопасности людей.

Список литературы

1. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1984.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с фр. М.: Рудомино, 2001.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Пер. с фр. М.: Республика, 2006.
4. Вахштайн В. С. Социология вещей или «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С.Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006. С. 7-43.
5. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. О принципах классификации объектов в судебно-экспертной объектологии // Методология судебной экспертизы: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М., 1986.
6. Давыдов Ю. Н. Определяя «общество»: от истории понятия к уточнению концептуальных границ // Социологический форум (эл. журнал). 1998. Т. 1. № 1. URL: <http://www.sociology.ru/forum/98-1davidov-an.html> (дата обращения: 15.05.2010).
7. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2012. № 3.
8. Делез Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с фр. М.: Астрель, 2010.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. М.: «Канон +», 1995.
10. Дюркгейм Э. Священные объекты как символы // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. В 2-х тт. М.: Наука, 1994. Том 2.
11. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии (Введение и первая глава) // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: «Канон +», 1998.

12. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
13. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
14. Ковенева О. В. Город как среда обитания. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. социолог. наук. М., 2007.
15. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19-28.
16. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
17. Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 2.
18. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
19. Мид Дж. Г. Философия настоящего / Пер. с англ. М.: ВШЭ, 2014.
20. Парк Р. Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.
21. Фромм Э. Анализ человеческой деструктивности / Пер. с англ. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
22. Шюц А. Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004.
23. Blumer, H. Symbolic Interaction: Perspective and Method. Berkeley: Univ. of California Press, 1986.
24. Bryant, L. R. The Ontic Principle: Outline of an Object-Oriented Ontology // The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Melbourne, 2011. P.261-278.
25. Goffman, E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Doubleday Anchor, 1967.
26. Hicks, D. The Material-Cultural Turn: Event and Effect // The Oxford Handbook of Material Culture Studies. Oxford: Oxford University Press, 2010.
27. Kipnis, J. Of Objectology // Pratt Journal of Architecture. 1988. Vol. II.
28. Kipnis, J. Towards Objectology – Some Thoughts on Architecture in the Extreme // Pratt Journal of Architecture. 1989. Vol.VI.
29. Latour, B. Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA; London, UK: Harvard University Press, 1999.
30. McCarthy, E. D. Toward a Sociology of the Physical World: George Herbert Mead on Physical Objects // Studies in Symbolic Interaction: A Research Annual. Ed. by Norman K. Denzin. 1984. P. 105-121.
31. Objectology project // Guimarães 2012 CEC. URL: <http://www.guimaraes2012.pt/index.php?cat=191&item=41793> (дата обращения: 01.06.2012).
32. Susani, M. The Fourth Kingdom // Ottogono, Industrial Design Quarterly. 1992. № 105.

Об авторе

Катерный Илья Владимирович – к.филос.н., доцент кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. Научная специализация: социальная теория. E-mail: yarkus@mail.ru

SOCIAL REALITY IN DISCOURSE OF «OBJECTOLOGICAL TURN»

I.V.Katerny

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Since the late 1970s - early 1980s a large body of research has been under way to discern social manifestations of physical space and to perceive the social role of objects within - from familiar utility devices to frightening nature disasters. Recent decades of social change feature the transformation of initially non-social substance (material objects, virtual images, cyber-messages, as well as natural disasters) into active modulators of social processes. This results in the "postsocial relations", that is social enaction of various kinds of objects, which leads to the fact that non-human, non-living and even non-physical objects are increasingly replacing humans as partners to communicate with and deeply mediating social relations, making the latter dependent on them. Thus, the explosion-like expansion of object-centered milieu in the human world consistently fuels the intellectual interest in the analysis of*

non-subjective dimension of the social. This trend in the social sciences and humanities may be defined as objectological turn. The proposed paper summarizes some developments in the social objectology, a new research domain related to studying the practice of mixed (hybrid) communication of people with various material and non-material objects. The author highlights the relevant approaches and their contributors, and provides analysis of the "objectological thought" in the history of social theory. Also, in the paper there is the classification of social objects based on their spatial scale, forming object-centered environment from the micro to the macro level.

Key words: mixed communication, social objectology schools, classification of objects.

References

1. Blumer H. Society as Symbolic Interaction. Sovremennaiia zarubezhnaia sotsial'naia psikhologiya [Contemporary foreign social psychology]. Moscow, Lomonosov State Univ. Publ., 1984. S. 173-179 (in Russian).
2. Baudrillard J. Le système des objets. Paris, Gallimard, 1991 (Russ. ed.: Bodriiar Zh. Sistema veshchei. Moscow, Rudomino Publ., 2001).
3. Baudrillard J. La société de consommation, ses mythes, ses structures. Paris, Éditions Denoël, 1970 (Russ. ed.: Bodriiar Zh. Obshchestvo potrebleniia. Moscow, Respublika Publ., 2006).
4. Vakhstain V.S. Sotsiologiya veshchei ili «povorot k material'nomu» v sotsial'noi teorii [Sociology of things or "material turn" in social theory], Sotsiologiya veshchei. Sbornik statei [Sociology of things. Collected works]. Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006. p. 7-43.
5. Vinberg A. I., Malakhovskaia N. T. O printsipakh klassifikatsii ob"ektov v sudebno-ekspertnoi ob"ektologii [On the principles of objects classification in forensic objectology], Metodologiya sudebnoi ekspertizy: Sb. nauch. tr. VNIIE [Methodology of forensic expertise. VNIIE collected works]. Moscow, 1986. S. 27-40.
6. Davydov Ju.N. Opredel'jaja «obshchestvo»: ot istorii ponjatija k utocnieniu konceptual'nykh granic [Defining society: from the conceptual path to clarifying the conceptual scope]. Sotsiologicheskii forum [Sociological Forum], 1998, no. 1. Available at: <http://www.sociology.ru/forum/98-1davidov-an.html> (accessed 15 May 2010).
7. Garfinkel H. What is Ethnomethodology? Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review, 2012, no. 3, pp. 144–154 (in Russian).
8. Deleuze G., Guattari F. Kapitalisme et schizofrenie 2: Mille plateaux. Paris, Éditions de Minuit, 1980 (Russ. ed.: Delez Zh. Tysiacha plato: kapitalizm i shizofreniia. Moscow, Astrel' Publ., 2010).
9. Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1919 (Russ. ed.: Diurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. Moscow, Kanon + Publ., 1995).
10. Durkheim E. Elementary Forms of the Religions Life. Totemic system in Australia. Glencoe, 1954. P. 228-29 (Russ. ed.: Diurkgeim E. Sviashchennye ob"ekty kak simvoly. Religii i obshchestvo. Khrestomatiia po sotsiologii religii [Religion and Society. Readings on the sociology of religion] .Vol. 2nd. Moscow., Nauka Publ., 1994).
11. Durkheim E. Elementary Forms of the Religions Life. Totemic System in Australia (Introduction and chapter 1st). Glencoe, 1954. (Russ. ed.: Diurkgeim E. Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaia sistema v Avstralii (Vvedenie i pervaja glava). Mistika. Religii. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniia. Antologiya. [Mysticism. Science. Classics of religion studies. Anthology]. Moscow, Kanon + Publ., 1998).
12. Durkheim E., Mauss M. De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives. Mauss M. Oeuvres, t. 2. Paris, Ed. de Minuit, 1969 (Russ. ed.: Diurkgeim E., Moss M. O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii. K issledovaniuu kollektivnykh predstavlenii. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii [Mauss M. Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow, KDU Publ., 2011).
13. Knorr-Cetina K., Bruegger U. The Market as an Object of Attachment: Exploring Postsocial Relations in Financial Markets. Canadian Journal of Sociology. 2000. Vol. 25. No. 2 (Russ. ed.: Knorr-Tsetina K., Briugger U. Rynok kak ob"ekt priviazannosti: issledovanie postsotsial'nykh otnoshenii na finansovykh rynkakh. Sotsiologiya veshchei. Sbornik statei [Sociology of things. Collection of works] Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006).
14. Koveneva O.V. Gorod kak sreda obitaniia.. Diss. kand. sotsiolog. nauk [The urban as environment. Phd. diss.]. Moscow, 2007.
15. Kravchenko S.A. Slozhnyi sotsium: vstrebovannost' povorotov v sotsiologii [Complex society: turns-on-demand in sociology]. Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological studies]. 2012. № 5. p. 19-28

16. Latour B. Where Are the Missing Masses? *Sociology of a New Mundane Artifacts. Shaping Technology/ Building Society. Studies in Sociotechnical Change.* Cambridge: MIT Press. 1992 (Russ. ed.: Latur B. Gde nedostaiushchaia massa? Sotsiologiya odnoi dveri. Sotsiologiya veshchei. Sbornik statei [Sociology of things. Collection of works] Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006).
17. Latour B. Une sociologie sans objet? Note théorique sur l'interobjectivité. *Sociologie du travail.* 1994. Vol. 36. №. 4. P. 587-607 (Russ. ed.: Latur B. Ob interob"ektivnosti Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review], 2007. Vol.6. № 2).
18. Latour B. When Things Strike back: a Possible Contribution of 'Science Studies' to the Social Sciences. *British Journal of Sociology.* 2000, vol. 51. no.1 (Russ. ed.: Latur B. Kogda veshchi daiut otpor: vozmozhnyi vklad «issledovani nauki» v obshchestvennye nauki. Sotsiologiya veshchei. Sbornik statei [Sociology of things. Collection of works] Moscow, Territoria budushchego Publ., 2006).
19. Mead J.H. *The Philosophy of the Present.* Chicago: Chicago University Press, 1932 (Russ. ed.: Mid Dzh.G. Filosofiya nastojashchego. M., HSE Publ., 2014).
20. Park R. *Human Ecology* (Russ. ed.: Park R. Ekologiya cheloveka. Teoriya obshchestva. Sbornik [Theory of society. Collection of works]. Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Pubs., 1999).
21. Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness.* New York, Holt, Rinehart and Winston Publ., 1973 (Russ. ed.: Fromm E. Analiz chelovecheskoi destruktivnosti. Moscow, AST-LTD Publ., 1998).
22. Schutz A. *Der Sinnhafte Aufbau der Sozialen Welt.* Vienna, 1932. 2nd edition, 1960 (Russ. ed.: Shiuts A. Smyslovoe stroenie sotsial'nogo mira. Shiuts A. Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom [Selected works. The world glowing with sense] Moscow, ROSSPEN, 2004).
23. Blumer H. *Symbolic Interaction: Perspective and Method.* Univ. of California Press, 1986.
24. Bryant L. R. *The Ontic Principle: Outline of an Object-Oriented Ontology The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism.* Melbourne, 2011. P.261-278.
25. Goffman, E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior.* New York: Doubleday Anchor, 1967.
26. Hicks, D. *The Material-Cultural Turn: Event and Effect* *The Oxford Handbook of Material Culture Studies.* Oxford: Oxford University Press, 2010.
27. Kipnis, J. *Of Objectology* *Pratt Journal of Architecture.* 1988. Vol. II.
28. Kipnis, J. *Towards Objectology – Some Thoughts on Architecture in the Extreme* *Pratt Journal of Architecture.* 1989. Vol.VI.
29. Latour, B. *Pandora's Hope. Essays on the Reality of Science Studies.* Cambridge, MA; London, UK: Harvard University Press, 1999.
30. McCarthy, E. D. *Toward a Sociology of the Physical World: George Herbert Mead on Physical Objects* *Studies in Symbolic Interaction: A Research Annual.* Ed. by Norman K. Denzin. 1984. P. 105-121.
31. *Objectology project Guimaraes 2012* CEC. URL: <http://www.guimaraes2012.pt/index.php?cat=191&item=41793> (дата обращения: 01.06.2012).
32. Susani, M. *The Fourth Kingdom* *Ottagono, Industrial Design Quarterly.* 1992. № 105.

About the authors

Ilya V. Kuterniy – PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of Sociology of MGIMO(U) MFA of Russia.